

БАРВИНОК И ЕГО СВЯЗЬ С УСТНЫМ НАРОДНЫМ ТВОРЧЕСТВОМ

Научная статья

Заблочкая Я.К.^{1,*}, Мокиенко В.М.²

² ORCID : 0000-0002-0264-0576;

^{1,2} Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (zablotskayajane[at]gmail.com)

Аннотация

В настоящем исследовании рассматривается роль барвинка в украинском народном творчестве. Проанализирована этимология фитонима *барвінок* в славянских языках. Определено, что в народных поверьях барвінок имеет множество функций (апотропей, свадебный атрибут, похоронный атрибут и некоторые другие). Было исследовано место барвинка в больших (народные песни) и малых (поговорки и пословицы) украинских фольклорных жанрах. Определены основные качества барвинка, закрепленные в фольклорных жанрах (его способность «плестись» по земле, отношение к вечнозеленым растениям, гибкость). Установлены наиболее характерные для фитонима формы использования в украинском народном творчестве, таким образом, был сделан вывод о том, что барвінок выступает символом молодости, смерти, любви, девственности, мужчины и девушки.

Ключевые слова: фитоним, украинский фольклор, украинские народные песни.

VINCA AND ITS CONNECTION TO ORAL FOLKLORE

Research article

Zablotskaia I.K.^{1,*}, Mokienko V.M.²

² ORCID : 0000-0002-0264-0576;

^{1,2} Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

* Corresponding author (zablotskayajane[at]gmail.com)

Abstract

This study examines the role of vinca in Ukrainian folklore. The etymology of the vinca phytonym in the Slavic languages is analyzed. It was determined that in folk beliefs, it has many functions (apotropaion, wedding attribute, funeral attribute and some others). The place of vinca in large (folk songs) and smaller (proverbs and sayings) Ukrainian folklore genres has been examined. The main qualities of vinca, fixed in folklore genres (its ability to "weave" on the ground, its relation to evergreens, its flexibility) have been determined. The most characteristic phytonym forms of use in Ukrainian folklore were established, thus, it was concluded that vinca symbolizes youth, death, love, virginity, men and girls.

Keywords: phytonym, Ukrainian folklore, Ukrainian folk songs.

Введение

Многообразие флоры представляет интерес не только с естественно-научной точки зрения, но и со стороны культуры и языка. Предметом изучения этноботаники является взаимодействие различных этнических групп с растительным миром. С древности человек наблюдал за растениями, собирал и культивировал их, выделял определенные признаки, на их основе придумывал им названия и иногда историю их появления. В дальнейшем он мог использовать их не только в хозяйстве и медицине. Важная роль отводится растениям в обрядовой культуре: они воспринимаются как обереги против темных сил, как атрибуты мифических существ, как ингредиенты для магических зелий. Растения наделялись особым значением, являлись символами таких понятий как любовь, горе, красота и многих других. Таким образом, народное творчество не обошло стороной растительный мир. Цветы, травы и деревья нередко воспевались в песнях, становились героями старинных преданий и мифов. Обрядовое значение растений освещается в таких трудах, как «Ботанический словарь» Н.И. Анненкова (прежде всего труд посвящен собранным названиям растений, однако там встречаются объяснения поверий, связанных с ними, если таковые имеются), «Поэтические воззрения славян на природу» А.Н. Афанасьева, «О некоторых символах славянской народной поэзии» А.А. Потебни и другие. В наши дни растения становятся объектом этнолингвистических и лингвокультурологических исследований — ср. развёрнутую характеристику многих из них в энциклопедии «Славянские древности». Данная же работа посвящена исследованию отдельно взятого растения под названием барвінок в украинском народном творчестве.

Основная часть

Слово *барвінок* (укр. *барвінок*) — название небольшого цветка (*Vinca minor* L.) ассоциативно связывается с украинским фольклором, где оно давно уже стало национальным символом. И действительно: хотя это слово известно и другим восточнославянским и западнославянским славянским языкам (рус. *барвінок*, блр. *барвенак*, пол. *barwinek*, чеш. *barvínek*, *barvienok*, *barjenk*, *barwjeńk*), в фольклоре соответствующих народов оно не обрело столь знаковой символичности, как в украинском. При этом само слово не является по происхождению исконно славянским. Считается, что в украинский язык оно попало через посредство польского и чешского, где является заимствованием из немецкого, которое имеет теперь форму *Bärwinkel* (букв. медвежий уголок). источником же немецкого является лат. *vinca*, *pervinka* 'барвінок', образованное от основы *vincĭre* 'обвязывать, обвивать', родственной *vi-vyjákti* 'охватывает', авест. *vyjāha-* 'сборы', с помощью префикса *per-*, родственного с прасл. **per-*, укр. *пepe-* [5, С. 141].

Национальная символичность барвинка в украинском фольклоре, как и этимология названия этого растения, конечно, имеет и интернациональные корни. Сама «неувядаемость», «вечнозеленость», отразившееся и в немецком его

обозначении *Immergrün* и *Sinngrün*, вызывали представления о его особой магической силе. Отсюда — многие народные поверья, детализировано описанные в 10-томной немецкой энциклопедии суеверий [18, С. 673-675].

Вот некоторые из них.

Барвинок часто использовался в разных регионах Германии для различных магических целей в старых заговорах (особенно любовных), или для изгнания злых чар и избавления от злого глаза или болезней. В то же время с помощью барвинка можно было и принести серьезный вред — например, напустить порчу или вызвать разлад между мужем и женой.

Барвинок также нередко использовался и в гаданиях. так, венок из цветков барвинка, брошенный в воду в полночь — атрибут свадебного предсказания, а в новогодних гаданиях лепестки барвинка, положенные на очаг, сулят либо удачу (если они колеблются), либо болезнь или смерть (если они чернеют). Венки из барвинка малого, которые плели для украшения могил, называли «фиалкой мертвецов».

В некоторых регионах Германии корни барвинка прикрепляли в мешочке к ребенку, идущему в школу, чтобы он стал осторожным и сообразительным. Здесь, вероятно, неувядающие листья этого растения должны были символически укреплять память школьника.

Некоторые такие мифологические представления перешли вместе с заимствованием самого слова, и к западным и восточным славянам. Так, обычай высаживать барвинок на кладбищах, связанный с представлением о вечнойзелености этого растения, воспроизведен в русских диалектных эквивалентах его наименования: Барвинок растение *могильница*, *гроб-трава* 'барвинок малый' [4, С. 121]. Поскольку В.И. Даль не случайно выбрал себе литературный псевдоним «казак Луганский», обозначив тем самым город, в котором он родился, то в его словарь вошло немало украинской и белорусской лексики. И названия барвинка *могильница* и *гроб-трава* явно «малорусского» происхождения, ибо зафиксированы в южнорусских донских говорах [14, С. 146], [14, С. 191].

в украинском народном творчестве барвинку суждено было сыграть особую роль — стать национальным символом. Этот цветок у украинцев имеет широкое обрядовое значение и используется в качестве свадебного атрибута, поскольку из него изготавливался венок невесты или свадебные квитки. Обычай плести венок невесты из барвинка существует и в наши дни [7, С. 6]. Обрядовое значение растения прослеживается в правилах сбора и у западных славян: обычно оно срезается накануне свадьбы ночью в лесу, при этом цветок необходимо срезать ровно и аккуратно, а процесс сопровождается песнопениями [19, С. 23], [13, С. 140]. Данный обряд может быть объяснен убеждением украинцев в том, что растения нельзя срывать, пока они не были освящены, поскольку сорвать или как-то иначе навредить цветку означало наделить его силами зла [2, С. 427].

Для украинских и чешских народных представлений о барвинке знаковым оказался своеобразный жанровый симбиоз: обрядовые традиции воспроизводились, закреплялись и обогащались в песенном творчестве. Типично поэтому, что следы обрядовой свадебной традиции остались в народной поэзии:

(1) *Rymnajte diwki barwinok / Za sonenci na winok, / Rymnajtez je riwneńko, / Szoby buło krasneńko; / Ona pide mezy lude, / Nasza sławońka bude* [20, С. 94],

(2) *Piszła Handziunejka / Do horodejka; / Byłomy nożinkamy / Rize barwinok / Sobi na winok* [20, С. 69],

(3) *Oj kryszczaczyj barwinońku / Wczeraś buw w horodeńku / A nyini na stołeńku!* [20, С. 84].

Барвинок, как и другие вечнозеленые растения, наделялся апотропеической функцией. Его использовали для украшения домов и деревьев на праздник Ивана Купала, тем самым защищая территорию от негативного воздействия темных сил, которые были наиболее активны в этот день. Традиция отражена в строчках следующей песни:

(4) *Чия то хата обметена, / Ще й барвіночком оплетена? / А туды хлопци схождаються, / На мед-горілку складаються* [6, С. 137].

Стоит отметить, что в песнях, исполнявшихся в день празднования Ивана Купала, присутствует тема любви. Вероятно, в этом явлении можно проследить связь с традицией гадания на замужество с помощью венка, а также с популярностью праздника прежде всего у молодых людей:

(5) *Чом ти, барвінку, не стелишся, / Чом ти, Миколо, не женишся?* [6, С. 136].

Барвинок упоминается в песнях, приуроченных и к другим календарным праздникам. Примером служат так называемые *петровки* (или *петрівкі*), исполнявшиеся во время петровского поста и в Петров день. Этот день ознаменовывает переход от лета к осени и является своеобразным апогеем летних игривости молодежи [1, С. 83]. Поэтому песни, исполнявшиеся в этот период, прежде всего посвящены вопросам, актуальным для молодежи того времени: красота, любовь и брак. Так, образ барвинка проявляется в описаниях привлекательных молодых людей:

(6) *54 Йа де ж той Иван коня пас, / Там той барвінок по пояс / ... / Гарний барвінок на вінок, / Гарний Иван парубок* [6, С. 104],

(7) *55 Ой де той Роман коня пас, / Там йому барвінок по пояс / ... / оце тобі, Романе, барвінок, / буде й твоїй Мотруні на вінок* [6, С. 111].

Петровки сохранили информацию о традиции украшать деревья к Петрову дню:

(8) *На майдані, на риночку / Стоїть сосонка в барвіночку / Кругом неї обметено / Барвіночком оплетено* [6, С. 175].

Обратим внимание на следующие примеры использования образа барвинка в петровках:

(9) *Ой Петрівочка минається, / Сива зозуля ховається. / Ой у садочок під листочок, / Під хрещатий барвіночок.* [6, С. 94],

(10) *Петрівочка настає, / Сива зозуля вилітає. / З під дубочка, з-під кленочка, / З-під хрещатого ж барвіночка* [6, С. 271].

Действующим лицом в данных песнях выступает кукушка — птица, играющая особую роль в народных верованиях не только украинцев, но и славян в общем, поскольку представления о ее происхождении, жизненном цикле и издаваемых ею звуках достаточно мифологизированы. Упоминание кукушки в песне, приуроченной к Петрову дню, отсылает к верованию, связанному с прекращением кукования: считалось, что в день начала созревания пшеницы (т.е. в Петров день) кукушка давится зерном и больше не может петь. В примере (9) барвинок может быть рассмотрен

либо как своеобразный апотропей, т.к., вероятно, для кукушки, прячущейся в его зарослях, он выступает спасением от неминуемой смерти, либо же наоборот — атрибутом смерти, растением, посаженным на ее могиле. Это утверждение может быть подкреплено тем фактом, что кукушка выступает как связующее звено между миром мертвых и миром живых, и традицией устраивать похороны кукушки по окончании петровского поста [12, С. 36-37]. В примере (10) прослеживается связь барвинка с мужским началом. Такое использование символа уже было проиллюстрировано вышеупомянутыми примерами (6), (7). В песне фигурируют также клен и дуб — растения, почитаемые у славян и выступающие в качестве мужских символов [8, С. 223, С. 226]. Им противопоставляется кукушка — птица, которой приписывают женские черты, и чье пение способно предсказывать замужество [8, С. 270].

Упоминания о растении встречается в песнях на бытовую тематику, не приуроченных к каким-либо важным для народа событиям, к примеру, в песнях, исполнявшихся при плетении кос или венков:

(11) *Hanuniu diwojku, idy do domojku! / Oj lisom, lisom, zelenym barwinkom!* [20, С. 68],

(12) *Za kryszczaczym barwinkom / Rizała barwinok / Sobi na winok, / Na swoju hołowonku, / Rozzczesanu kosonku* [20, С. 83].

Особенно ярко цветок представлен в так называемых соромнических песнях (укр. *сороміцькі пісні*), т.е. украинских народных песнях на эротическую тематику:

(13) — *А як тато запитає, / Че ж барвінок усухає? / — Коти ходять за мишами, / Барвіночок витоптали.* [15, С. 19],

(14) *Стережіте мене, прехорошу. / Сторожа заснула / — Нічого не чула, / Я, молода, гулять полинула. / Гуляла я нічку / В хрещатім барвінку, / То ж я з тобою, / Вражий недовірку!* [15, С. 41].

В данном случае использование образа барвинка можно расценивать как метафорический перенос свойств объекта, поскольку цветок в народном восприятии является символом молодости и девичьей чести. Появление цветка в соромнических песнях (прогулка в лесу, полного барвинка, или потеря барвинком своих эстетических качеств) свидетельствуют о потере девушкой этой чести.

Барвинок упоминается в следующей игровой песне:

(15) *З хрещатого барвінку / Вибирай собі дівку* [17, С. 56].

Суть игры, сопровождавшейся приведенной песней, заключалась в том, что девушка, стоящая в центре хоровода, указывала на лицо или вещь, о которой поется в определенной строчке, потому можно утверждать, что барвинок выступает здесь в качестве символа красоты.

Рост или посадка цветка являются положительно окрашенными символами и таким образом сигнализируют о развитии романтических отношений между влюбленными или о появлении чувства влюбленности:

(16) *Зеленьки барвіночку, / Стелися низенько, ти, милий, чорнобривий, / Присунься близенько* [12, С. 64],

(17) *Там-тудой Марися ходила, / Зелений барвіночок садла. / За нею батейко тихойко: / — Сади, сади, Марисю, знизойка. / — Не ходи ти, мій батейку, за мною, / Не любя мі бесідойка с тобою; / Ой ходи ж ти, мій Івасю, за мною, / Люба мені бесідойка с тобою* [3, С. 229].

Народной поэзии известна также традиция использования барвинка как похоронного атрибута, растение использовали при погребении молодых незамужних девушек или детей, что опять же свидетельствует об апотропеической функции растения:

(18) *Викопай же мені глибоку могилу, / Посади в головках червону калину, / А в ніженьках хрещатий барвінок* [3, С. 229].

(19) *Положи мене край доріженьки, / Обвий мене барвіночком, / Барвіночком, васильками. / Молодчики ідуть, / Василечки рвуть / І мене спом'януть: / — Ой там лежить Іванова сестра / Да й зарубана* [17, С. 118].

В приведенных выше примерах часто встречается употребление эпитета *хрещатый*. Такая номинация объясняется особым внешним видом барвинка, поскольку он стелется по поверхности крестообразно, на четыре стороны [9, С. 145]. Эпитет *зеленый* может отсылать к символизации зеленого как цвета молодости и неопытности.

Как видим, обрядовая символика барвинка ярко раскрывается в текстах народных песен. Раскрывается, обогащая ее новыми смысловыми и коннотативными оттенками. Такое обогащение, естественно, отразилось и на других жанрах фольклора, особенно малого фольклора, т.е. пословицах и поговорках. Так, в украинских песнях барвинок часто становится образной основой сравнений — достаточно вспомнить популярную песню «Несе Галя воду...», где за героиней, несущей полные ведра воды, хлопец Иванко «як бавинок в'ється». Сравнения молодого человека (потенциального жениха) с барвинком обильно зафиксированы как в литературных, так и в фольклорных источниках: *Хлопец молодий, як барвінок* [10, С. 162]; *Хлопец молодий, як барвінок, хороший, як кров з молоком* [11, С. 43]; *Ані вперед не вдавайся, ані заду не мішайся, тільки в самім середочку, як барвінок в городочку* [16, С. 510].

Отражено в сравнениях и главное свойство барвинка, овеществленное в немецком названии — «вечнозеленость»: *Зелена, як барвінок; Зелене, як барвінок* [16, С. 444]; *Зелений, як барвінок* [11, С. 100]. Такие сравнения выдерживают образную «конкуренцию» с другими компаративными обозначениями зеленого цвета — напр., *Зелена, як рута; Зелене, як рута; Зелена, як трава; Позеленів, як трава; Зелене, мов жито весною; Зелене, як листя; Зелене, як лоза над водою; Зелене, як пастернак; Зелений, як муріг; Зелений, як огірок; Зелений, як у сосни гілки* и под. [11, С. 100-101]. Не случайно и то, что эпитет *зеленый* в украинских поговорках антропоморфизмуется, употребляясь в обращении девушки к своему возлюбленному: *Ой ти, козаче, зелений барвінку, прийди до мене хоч на хвилинку* [11, С. 387]

Не осталось, разумеется, в стороне от малого фольклора, и такое естественное свойство этого растения, как гибкость, способность плестись по земле. Таково сравнение *В'ється, як барвінок*, «конкурирующее» с *В'ється Плететься*, *як хміль* [11, С. 160] и в каком-то смысле воспроизводящее песенный сюжет о гарном парубке Иванке и не менее гарной дивчине Гале. Показательно, что такую песенно-поговорочную «переключку» можно обнаружить в варианте одной из самых популярных украинских песен, который зафиксирован М. Номисом и М.М. Пазяком уже в статусе поговорки: *У неділю — по шавлію, в понеділок — по барвінок, а в вівторок — снопів сорок, а в середу — по череду, а в четвер — по щавель, а в п'ятницю — по дяглицю, а в суботу — на роботу!* [10, 277], [11, С. 390].

Заключение

Как видим, история барвинка как национального растительного символа в украинском фольклоре и оригинальна, и типична одновременно. Оригинальна, ибо в силу разных причин иноязычное — латинское и немецкое по происхождению название приобрело в народной славянской культуре особую значимость и коннотативность, усиленную благодаря песенной традиции. Типична, поскольку импульсом для развития такой символики и генератором ее популярности стали общие для европейских народов (особенно немцев) обряды и поверья, связанные с такими сущностными представлениями, как любовь, жизнь, смерть и — самой недостижимой и непостижимой для человечества мечтой, как вечная молодость и бессмертие. При всей своей универсальности в фольклоре и языке каждого народа, в том числе у чехов и украинцев, символика этого растения обрела свой собственный национальный колорит, запечатленный как в песенном творчестве, так и в пословицах и поговорках.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Боцяновский В.Ф. Веснянки, Петrivки и купальные песни / В.Ф. Боцяновский // Живая старина. — 1894. — № 1 - С. 83-89
2. Войтович В.М. Українська міфологія. / В.М. Войтович — Київ: Либідь. — 2002. — 664 с.
3. Дикарев М.О. Знадоби до української народної ботаніки / М.О. Дикарев // Бандурка. Українські сороміцькі пісні. - Київ: Дніпро, 2001. - С. 227-278
4. Даль В.И. Толковый словарь живого русского языка. / В.И. Даль – М.: «Прогресс», 1995.
5. Етимологічний словник української мови / Гол. ред О.С. Мельничук.: У 7 т. — Київ: Наукова думка. — Т.1: А — Г. — 1982.- 631 с.; Т.2: Д — Кошці. — 1985. — 570 с.; Т.3: Кора — М. -1989. — 549 с.; Т.4: Н —П. — 2003. -656 с.; Т.5: Р-Т. — 2006. — 407 с.; Т.6: У-Я. — 2012. — 567 с.; Т.7 (в роботі).
6. Завальнюк А.Ф. Українські літні обряди та пісні / А.Ф. Завальнюк // Вінниця: Нова книга, 2008. - 310 с.
7. Колосова В.Б. Современная украинская свадьба в Черновицкой области / В.Б. Колосова // Живая старина. - 2007. - № 2. - С. 5-8.
8. Костомаров Н.И. Славянская мифология. Исторические монографии и исследования. / Н.И. Костомаров - М.: «Чарли», 1994. — 688 с.
9. Курочкин А.В. Растительная символика календарной обрядности украинцев / А.В. Курочкин // Обряды и обрядовый фольклор. — М., 1982. - С. 138-163
10. Маркович О.В. Українські приказки, прислів'я і таке інше / О.В. Маркович — Київ: Либідь, 1993. — 766 с.
11. Пазяк М.М. Прислів'я та приказки. / Пазяк М.М. — К.: «Наукова думка». Т. 1. Природа. Господарська діяльність людини. — 1989. — 479 с. Т. 2. Людина. Родинне життя. Риси характеру. — 1990. — 524 с. Т. 3. Взаємини між людьми. — 1991. — 440 с. Т. 4. Українські прислів'я, приказки та порівняння з літературних пам'яток. Упорядник М.М. Пазяк. — К.: Наукова думка, 2001. — 392 с.
12. Правдюк О.А. Пісні великого Кобзаря. / О.А. Правдюк — Київ: Київська книжкова друкарня № 5 Державного Комітету Ради Міністрів УРСР по пресі, 1964. - 396 с.
13. Славянские древности. Этнолингвистический словарь под редакцией Н.И. Толстого. Т. 1. — А-Г. М.: «Международные отношения», 1995. — 584 с.; т. 2. — Д-К (Крошки). — М.: «Международные отношения», 1999. - 697 с.; т. 3. — К (Круг) —П (Перепелка). — М.: «Международные отношения», 2004. — 704 с.; т. 4. П (Переправа через воду — С (Сито). — М.: «Международные отношения», 2009. — 656 с.; т. 5. — С (Сказка) — Я (Ящерица). — М.: «Международные отношения», 2012. - 736 с.
14. Словарь русских народных говоров. / Под ред. Ф.П. Филина и Ф.П. Сороколетова. Главный редактор С.А. Мызников. - Вып. 1—52. Л.—СПб, 1965—2021. (издание продолжается).
15. Сулима М.М. Бандурка. Українські сороміцькі пісні. / М.М. Сулима — Київ: Дніпро, 2001. - 280 с.
16. Галицько-руські приповідки / Зібрав, упорядкував і пояснив д-р. Іван Франко. В 3 т., 6 вип. // Етнографічний збірник — Львів. — Т. 10. — 1901. Т. 16. — 1905. — Т. 23. — 1907. — Т. 24. — 1908. — Т. 27. — 1909. — Т. 28. — 1910.
17. Чебанюк О.Ю. Календарно-обрядові пісні. / О.Ю. Чебанюк — Київ: Дніпро, 1987. 392 с.
18. Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens. — Hg. von E. Hoffmann-Krayer und Bächtold-Stäubli. — 10 Bde. — Berlin, 1927-1942.
19. Sobotka P. Rostlinstvo a jeho význam v národních písních, pověstech, bájích, obřadech a pověrách slovanských. Příspěvek k slovanské symbolice. / P. Sobotka — Praha: Novočeská Bibliothéka, 1879. - 346 s.
20. Żegota P. Pieśni ludu ruskiego w Galicyi. Tom pierwszy. / P. Żegota — Lwów: Nakładem Kajetana Jabłońskiego, 1839. - 176 s.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bocianovsky'j V.F. Vesnianki, Petrivki i kupalnyie pesni [Vesnianki, Petrivki and kupalnyie songs] / V.F. Bocianovsky'j // Zhivaia starina [Living antiquity] — 1894 — №1 - pp. 83-89 [in Russian]

2. Vojtovich V.M. Ukraïnska mifologia [Ukrainian mythology]. / V.M. Vojtovich — Kyiv: Lybid. — 2002. — 664 p. [in Ukrainian]
3. Dikarev M.O. Znadoby do ukraïnskoï narodnoï botaniki [the needs of Ukrainian folk botany] / M.O. Dikarev // Bandurka. Ukraïnski soromicki pisni. [Bandurka. Ukrainian soromickyie songs] - Kyiv: Dnipro, 2001. - pp. 227-278 [in Ukrainian]
4. Dal V.I. Tolkovy slovar zhivogo russkogoazyka. [Explanatory dictionary of the living Russian language] / V.I. Dal — M.: «Progress», 1995. [in Russian]
5. Etimologichny slovník ukraïnskoï movy [Etymological dictionary of the Ukrainian language] / Main editor O. S. Melinchuk.: in 7 vol. — Kyiv: Naukova dumka. — Vol.1: A — G. — 1982.- 631 p.; Vol .2: D — Kopci. — 1985. — 570 p.; T.3: Kora — M. -1989. — 549 p.; Vol.4: N — P. — 2003. -656 c.; Vol.5: R-T. — 2006. — 407 p.; Vol.6: U-Ia. — 2012. — 567 p.; Vol.7 (in process). [in Ukrainian]
6. Zavalniuk A.F. Ukraïnski litni obriady ta pisni [Ukrainian summer rituals and songs]. / A.F. Zavalniuk — Vinnica: Nova kniga, 2008. - 310 p. [in Ukrainian]
7. Kolosova V.B. Sovremennaia ukraïnskaia svadba v Chernigovskoi oblasti [Modern Ukrainian wedding at Chernihiv oblast] / V.B. Kolosova // Zhivaia starina [Living antiques]. - 2007. - № 2. - pp. 5-8. [in Russian]
8. Kostomarov N.I. Slaviańska mifologia. Istoricheskie monografii i issledovaniia [Slavic mythology. Historical monographies and studies] / N.I. Kostomarov - M.: «Charli», 1994. — 688 p. [in Russian]
9. Kurochkin A.V. Rastitelnaia simvolik kalendarnoj obriadnosti ukraïncev [Plant symbolism of calendar rites of Ukrainians] / A.V. Kurochkin // Obriady i obriadovy folklor [Rites and ritual folklore.] — M., 1982. - pp. 138-163 [in Russian]
10. Markovich O.V. Ukraïnske prikazki, prislivia i take inshe [Ukrainian proverbs, sayings and more] / O.V. Markovich — Kyiv: Lybid, 1993. — 766 p. [in Ukrainian]
11. Paziak M.M. Prislivia ta prikazki [Sayings and proverbs]. / M.M. Paziak — Kyiv: «Naukova dumka». Vol. 1. [Nature. Human economic activity] — 1989. — 479 p. Vol. 2. [Human. Family living. Character traits] — 1990. — 524 p. Vol. 3. [Relationships between people] — 1991. — 440 p. Vol. 4. [Ukrainian Proverbs, sayings and comparisons from literary monuments] — Kyiv: Naukova dumka, 2001. — 392 p. [in Ukrainian]
12. Pravduk O.A. Pisni velikogo Kobzaria [Great Kobzar's songs]. / O.A. Pravduk — Kyiv: Kyivska knizhková drukarnia № 5 Derzhavnogo Komitetu rady ministriv URSSR po presi, 1964. - 396 p. [in Ukrainian]
13. Slaviańskie drevnosti. Etnolingvističeskij slovar pod redakciei N. I. Tolstogo [Slavic antiques. Ethnolinguistic dictionary edited by N. I. Tolstoj]. Vol. 1. — A-G. M.: «Mezhdunarodnyie otnoshenia», 1995. — 584 p.; vol. 2. — D-K (Kroshki). — M.: «Mezhdunarodnyie otnoshenia», 1999. - 697 p.; vol. 3. — K (Krug) —P (Perepalka). — M.: «Mezhdunarodnyie otnoshenia», 2004. — 704 p.; vol. 4. P (Pereprava cherez vodu — S (Sito). — M.: «Mezhdunarodnyie otnoshenia», 2009. — 656 p.; vol. 5. — S (Skazka) — Ia (Iasherica). — M.: «Mezhdunarodnyie otnoshenia», 2012. - 736 p. [in Russian]
14. Slovar russkih narodnyh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]. / edited by. F.P. Filin and F.P. Sorokoletov main editor S.A. Myznikov. - Ed. 1—52. Leningrad.—SPb, 1965—2021. (edition is in progress). [in Russian]
15. Sulima M.M. Bandurka. Ukraïnski soromicki pisni. [Bandurka. Ukrainian soromickyie songs] / M.M. Sulima — Kyiv: Dnipro, 2001. - pp. 227-278 [in Ukrainian]
16. Galicko-russke pryповidki [Galician-Russian sayings] / collected, organized and explained by Dr. Ivan Franko in 3 vol., 6 ed. // Ethnographic collection — Lviv. — Vol. 10. — 1901. Vol. 16. — 1905. — Vol. 23. — 1907. — Vol. 24. — 1908. — Vol. 27. — 1909. — Vol. 28. — 1910. [in Ukrainian]
17. Chebanuk O.U. Kalendarno-obriadovi pisni [Calendar-ritual songs]. / O.U. Chebanuk — Kyiv: Dnipro, 1987. - 392 p. [in Ukrainian]
18. Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens. — Hg. von E. Hoffmann-Krayer und Bächtold-Stäubli. [Manual dictionary of German superstitions.] — 10 Vol. — Berlin, 1927-1942. [in German]
19. Sobotka P. Rostlinstvo a jeho význam v národních písních, pověstech, bájích, obřadech a pověrách slovanských. Příspěvek k slovanské symbolice. [Plant world and its role in slavic folk songs, legends, myths, rituals and superstitions] / P. Sobotka — Prague: Novočeská Bibliothéka, 1879. - 346 p. [in Czech]
20. Żegota P. Pieśni ludu ruskiego w Galicyi. Tom pierwszy. [Russian folk's songs in Galicia] / P. Żegota — Lviv: Nakładem Kajetana Jabłońskiego, 1839. - 176 p. [in Polish]